

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-93-112

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ЕЕ ИСТОРИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социологического анализа религии в России в имперский период ее истории. Отечественная социологическая традиция изучения религии как социокультурного феномена и социального института, сложившаяся в этот период, имеет свой неповторимый и своеобразный облик. Она к настоящему моменту только начинает возрождаться в постсоветской России и резко отличается от той традиции, которая имела место на Западе. В этом контексте обращение к трудам классиков русской религиозной, социально-политической мысли, к сожалению, незаслуженно забытых, является очень перспективным направлением современных социологических исследований в данной области.

При изучении данной проблемы автор делает акцент на исследовании работ представителей трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли: консерватизма, либерализма и социализма, а также особенностях исторического развития российского общества и государства и тех событиях, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России. К таким особенностям автор, в частности, относит формирование «антисистемы» (системной целостности людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы) в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества под определенным влиянием западничества как следствие духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества.

Автор статьи делает акцент на осмыслении религиозной проблематики представителями, прежде всего, социалистического лагеря, мечтавшими осуществить социалистическую революцию в России и крайне негативно относившимися к религии, религиозным институтам и традиционным устоям жизнедеятельности общества, анализируя воззрения А.И. Герцена, П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Он отмечает тот факт, что упомянутые авторы в большей степени занимались

* Продолжение. Начало статьи см. в № 3 за 2021 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

привнесением в науку различных идеологических штампов, а также использованием политехнологий для дискредитации в деструктивном для общества и государства ключе этой традиционно значимой для любого общества сферы жизнедеятельности и влиятельного социального института. На этом фоне своеобразным исключением из правил являлся разработанный П.А. Сорокиным взвешенный, научно обоснованный подход к социологическому анализу религии в обществе с акцентом на изучение интегрирующей роли религии в социальной стратификации общества.

Ключевые слова: религия, антисистема, “Малый народ”, социализм, марксизм, анархизм, народничество.

FEATURES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGION IN RUSSIA DURING THE IMPERIAL PERIOD OF ITS HISTORY (CONTINUED)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The article deals with the features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history. The national sociological tradition of study of religion as a socio-cultural phenomenon and a social institution, which was developed during this period, had its own unique and peculiar appearance and was just begun to revive again in post-Soviet Russia, is sharply different from the tradition that took place in the West. In this context, the appeal to the works of classics of Russian religious, socio-political thought, unfortunately undeservedly forgotten, is a very promising area of modern sociological research.

When studying this problem, the author emphasizes the study of the works of representatives of three ideological areas of Russian religious and socio-political thought: conservatism, liberalism and socialism, as well as the peculiarities of the historical development of Russian society and the state and those events that had a significant impact on the formation and development of scientific understanding of religion in Russia. Among such features, the author, in particular, refers to the formation of an “antisystem” (systemic integrity of people who are negative about their homeland, hate their own nation, its values and culture, history, traditional religious, political and social systems) among the Russian intelligentsia, bureaucracy and part of the elite of Russian society, under a certain influence of Westernism, as a consequence of the spiritual schism of the 18th century, which occurred in the educated strata and elite of Russian society.

The author of the article analyzing the views of A.I. Herzen, P.L. Lavrov, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, G.V. Plekhanov, V.I. Lenin, emphasizes the understanding of religious issues by representatives, primarily the socialist camp, who dreamed of carrying out a socialist revolution in Russia and who were extremely negative about religion, religious institutions and the traditional life of society. He notes the fact that the authors mentioned above were more concerned with introducing various ideological stamps into science, as well as using political technologies to discredit in a destructive way for society and the State, this traditionally important sphere of life for any society and an influential social institution. Against this background, a peculiar exception to the rules was the balanced, scientifically based approach to sociological analysis of religion

in society developed by P.A. Sorokin, with an emphasis on the study of the integrating role of religion in social stratification.

Key words: *religion, antisystem, “Small people”, socialism, Marxism, anarchism, “narodnichestvo” (populism).*

При изучении последующих особенностей осмысления религиозной проблематики в рамках упомянутых трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли (консерватизма, либерализма, социализма) следует однозначно учитывать к этому моменту зримо оформившиеся последствия духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества. Речь, прежде всего, идет о формировании в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества под определенным влиянием западничества антисистемы (“Малого народа” в терминологии О. Кошена и И.Р. Шафаревича).

Антисистема, термин, введенный в научный оборот Л.Н. Гумилевым, — религиозно-идеологическая система с отрицательным (или негативным) мирозерцанием, способствующая сокращению жизни этноса, распаду общества, разложению и упрощению культуры. Антисистема — это системная целостность людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы¹.

Адепты антисистемы, в процентном соотношении представляющие собой ничтожное меньшинство в том или ином обществе, стремятся уничтожить посредством революций, государственных переворотов или реформ столь ненавистный им миропорядок и традицию, подчинив и поработив себе изначально несогласное с ними большинство того или иного общества. Представители антисистемы выступают как профессиональные деструкторы, разрушительная энергия которых направлена на уничтожение традиционных основ своего государства и общества, традиционных для него религиозных, политических, социальных и экономических систем. Замыкаясь исключительно в своем интеллектуальном и духовном мире, они резко противопоставляют себя всей остальной части народа, образуя своеобразный “*антинарод среди народа*”², «“Малый Народ” среди

¹ См., подробнее: *Елишев С.О.* Молодежная политика религиозных сект и новообразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118; *Он же.* Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 247–250; *Он же.* О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017. С. 67–78.

² *Шафаревич И.Р.* Русский вопрос // Шафаревич И.Р. Собр. соч. в 3-х т., Т. 2. М., 1994. С. 114.

“Большого Народа”»³, позиционируют себя как “элиту”, “креативный класс” среди “молчаливого большинства”, т.е. окружающих их людей.

При этом, как справедливо отмечал И.Р. Шафаревич, мировоззрение такого “Малого народа” “строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения”⁴ “Большого народа”, т.е. формирования и воспитания такого типа человека, “которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк”⁵. «Общества, объединявшие представителей “Малого Народа”, создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни. Механизм образования “Малого Народа” — это то, что тогда называли “освобождением от мертвого груза”, от людей, слишком подчиненных законам “Старого мира”: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят “очищения” (соответствующие “чисткам” нашей эпохи). В результате создается все более чистый “Малый Народ”, движущийся к “свободе” в смысле все большего освобождения от представлений “Большого Народа”: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним»⁶.

Подобного рода антисистемные установки хорошо описал Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя”, в своих размышлениях о А.И. Герцене: “Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа”⁷.

³ Шафаревич И.Р. Указ соч.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Там же.

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 47.

К сожалению, начиная с 60-х гг. XIX в. вплоть до настоящего времени антисистемные мировоззренческие установки стали своеобразной визитной карточкой определенного слоя российских интеллигентов — “западников”, ориентированных на ценности западноевропейской культуры. Яркими представителями антисистемы в России в имперский период ее истории являлись русские революционеры из социалистического лагеря и радикально-реформистская интеллигенция из либерального лагеря, в среде которых к тому же особую популярность приобрели материалистические, атеистические и нигилистские воззрения и взгляды. Представители этих кругов крайне отрицательно относятся к идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской культуры, цивилизации, государственности; стремятся навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества. Достаточно хорошо охарактеризовал подобного рода цели и устремления представителей этих общностей в одном из своих выступлений премьер-министр П.А. Столыпин, полемизируя со своими оппонентами: “Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!”⁸

По мнению И.А. Ильина, отменно обозначившего антисистемные установки и мировоззренческую позицию этого слоя российской интеллигенции, русские революционеры — эти «“просвещенные” неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры»⁹. Анализируя нигилистские, атеистические и материалистические умонастроения, распространенные в интеллигентских кругах, И.А. Ильин отмечал, что: «В действительности первый признак ответственного и вдумчивого человека состоит в том, что он умеет различать, во что надо верить и чего нельзя принимать на веру. Именно этого русская радикальная интеллигенция никогда не умела. Ей, с самого Вольтера, все казалось, что в религии вера неуместна, а верить надо в радикальные политические лозунги. “Просвещенный” человек не может принимать всерьез Евангелие, учение Христа и традицию Церкви, если он это делает, то он или “чудак”, которому можно дать снисхождение, или

⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... М., 1991. С. 96.

⁹ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 130.

“корыстный лицемер”, которого надо осмеять и разоблачить. “Просвещенный” человек должен прилепиться сердцем, воображением, мыслью и волею — к тезисам западного демократизма, республиканства и, конечно, социализма. Он должен благоговейно читать пошлости Писарева, наивности Чернышевского, сентиментальные вирши Некрасова, сумбуры Михайловского и Лаврова, невежественные глупости народовольческих брошюр и мертвую, абстрактную трескотню марксистской литературы. В это надо верить; и по вере — делать; а для дела — жертвовать»¹⁰.

На взгляд П.Б. Струве, одного из авторов сборника “Вехи”, авторы которого осмыслили роль русской интеллигенции в революционных событиях 1905–1907 гг., “идейной формой” этой (антисистемной) части русской интеллигенции стало “ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему”¹¹. При этом, по его мнению, для “интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность”¹². “Русская интеллигенция, — писал П.Б. Струве, — будучи безрелигиозной в том неформальном смысле, который мы отстаиваем, в то же время была мечтательна, неделовита, легкомысленна в политике. Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения, — словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания”¹³.

С.Н. Булгаков, еще один из авторов сборника “Вехи”, характеризуя распространение атеистических воззрений в этой среде, подчеркивал, что «как всякая общественная среда вырабатывает свои привычки, свои особые верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сделался само собою разумеющеюся ее особенностью, о которой даже не говорят, как бы признаком хорошего тона. Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, “направлений”, это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура, с ее газетами, журналами, направлениями, программами, нравами, предрассудками, подобно тому как дыханием окисляется кровь, распространяющаяся потом по всему организму»¹⁴. При этом, по мнению С.Н. Булгакова, «в русском

¹⁰ Ильин И.А. Указ. соч. С. 137.

¹¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 160.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 30.

атеизме больше всего поражает его догматизм, то, можно сказать, религиозное легкомыслие, с которым он принимается. Ведь до последнего времени религиозной проблемы, во всей ее огромной и исключительной важности и жгучести, русское “образованное” общество просто не замечало и не понимало, религией же интересовалось вообще лишь постольку, поскольку это связывалось с политикой или же с проповедью атеизма. Поразительно невежество нашей интеллигенции в вопросах религии. Я говорю это не для обвинения, ибо это имеет, может быть, и достаточное историческое оправдание, но для диагноза ее духовного состояния. Наша интеллигенция по отношению к религии просто еще не вышла из отроческого возраста, она еще не думала серьезно о религии и не дала себе сознательного религиозного самоопределения, она не жила еще религиозной мыслью и остается поэтому, строго говоря, не выше религии, как думает о себе сама, но вне религии»¹⁵.

Естественно, что появление антисистемы и соответствующего мировоззрения, как уже стало ясно из приведенных высказываний авторитетных авторов, самым негативным образом сказалась на осмыслении религиозной проблематики представителями, прежде всего, социалистического лагеря, мечтавшими осуществить социалистическую революцию в России и крайне негативно относившимися к религии, религиозным институтам и традиционным устоям жизнедеятельности общества.

По их мнению, религия представляла собой один из самых эффективных институтов и средств, позволяющих эксплуататорам удерживать свои господствующие позиции в обществе, а значит и своеобразным препятствием к построению социалистического строя, которое необходимо было однозначно устранить. Революционеры и их идеологи (А.И. Герцен, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др.) развернули масштабную информационную кампанию по дискредитации религии, православной веры и Русской Православной Церкви. Как писал **Александр Иванович Герцен**, один из первых “русских социалистов”, “Религия <...> — это только крепкая узда для масс, самое страшное пугало для простаков, высокая ширма, которая мешает народу ясно видеть то, что происходит *на земле*, заставляя его возводить взор к небесам”¹⁶.

На взгляд А.И. Герцена, “Все религии основывали нравственность на покорности, т.е. на добровольном рабстве, потому они и

¹⁵ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁶ Герцен А.И. Prolegomena (перевод) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 60.

были всегда вреднее политического устройства. Там было насилие, здесь разврат воли. Покорность значит с тем вместе перенесение всей самобытности лица на всеобщие, безличные сферы, независимые от него. Христианство, религия противоречий, признавало, с одной стороны, бесконечное достоинство лица, как будто для того, чтоб еще торжественнее погубить его перед искуплением, церковью, отцом небесным. Его воззрение проникло в нравы, оно выработалось в целую систему нравственной неволи, в целую искаженную диалектику, чрезвычайно последовательную себе. Мир, становясь более светским или, лучше сказать, приметив, наконец, что он, в сущности, такой же светский, как и был, примешал свои элементы в христианское нравоучение, но основы остались те же. Лицо, истинная, действительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятию, собирательному имени, какому-нибудь знамени¹⁷.

Поэтому, считал А.И. Герцен, необходимость в религии в будущем социалистическом обществе, полностью отпадёт, грядущая социалистическая революция в религии не будет нуждаться и “не нуждается, она сама — религия”¹⁸.

Еще один из идеологов народничества, **Петр Лаврович Лавров**, среди первоочередных целей развития революционного социалистического движения в России отмечал необходимость борьбы с институтом религии, религиозным мировосприятием и образом жизни. В частности, он писал: “Для нас в настоящую минуту, — цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов, богословских и метафизических, теоретических и нравственных, — короче говоря, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни... борьба за реализацию справедливейшего строя общества”¹⁹.

¹⁷ Герцен А.И. *Omnia mea mecum porto* // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 125–126.

¹⁸ Герцен А.И. *Prolegomena* (перевод). С. 60.

¹⁹ Лавров П.Л. *Вперед! — Наша программа* (март 1872 — март 1873 гг.) // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934. С. 24–25.

П.Л. Лавров, симпатизировавший позитивизму, в целом негативно оценивал институт религии на современном ему этапе общественного развития. Хотя, в то же время он признавал, что религия в свое время, играла в развитии человечества определенную положительную роль, ибо «именно в религиозном веровании находило страждущее человечество первого времени *единственно возможную* для него форму мысли, которая заменяла ему недостающее знание и удовлетворяла, хотя бы призрачно, протесту против зла, давившего со всех сторон на большинство»²⁰. «Религия давала надежду равенства в мучениях и наказаниях земным тиранам. Это была элементарная форма протеста против несправедливости общественного строя»²¹.

Однако в XIX в., по мнению П.Л. Лаврова, она играет роль устаревшего института, препятствия для последующего прогрессивного развития человечества. Для него и его соратников вполне очевиден тот факт, что «*Религиозный, церковный, догматический элемент* нам, безусловно, враждебен. Мы опираемся на критику, стремимся к торжеству реальной мысли, к удовлетворению реальных потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровение или на идеалистическую метафизику, нет ничего общего. Принцип сверхъестественного, мистического мы не признаем ни в одном из его оттенков»²².

К уничтожению института религии призывал лидер народников, идеолог анархизма, **Михаил Александрович Бакунин**, который считал религию плодом фантазии человека, при помощи которой на определенном этапе общественного развития, «человек — животное, выходя из животности, делает первый шаг к человечности»²³. Именуя Бога «абсолютной абстракцией, собственным продуктом человеческой мысли»²⁴, М.А. Бакунин, размышляя о задачах социальных революционеров, подчеркивал, что «они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому — явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение

²⁰ Лавров П.Л. Из истории социальных учений // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934. С. 145.

²¹ Там же. С. 146.

²² Лавров П.Л. Вперед! — Наша программа (март 1872 — март 1873 гг.). С. 26.

²³ Бакунин М.А. Федерализм, социализм, антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 83.

²⁴ Там же. С. 76.

ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде — один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого. Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что *религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией*, отнюдь же не отвлеченной и доктринерной пропагандой так называемых свободных мыслителей”²⁵.

Другой идеолог русского анархизма, *Петр Алексеевич Кропоткин*, отмечая определенную положительную роль религии и Церкви в поддержании нравственности, считал, что «религия, равно как и некоторые другие общественные учреждения, помогает созданию идеала, в этом нет сомнения. Но, как на это указывали уже различные писатели о нравственном, главное значение в общественной нравственности имеют не столько идеалы, сколько повседневные привычки общественной жизни. Так, христианские и буддийские святые, несомненно, служат образцами и до некоторой степени стимулами нравственной жизни. Но не надо забывать, что у большинства людей есть ходячее извинение, чтобы не подражать им в жизни: “что делать, мы не святые”»²⁶. Поэтому, на его взгляд, “как только человек начинает относиться к религии критически и ищет убеждений, подтвержденных разумом, вместо слепого повиновения и страха, такое внутреннее противоречие уже не может долго продолжаться. С ним предстоит расстаться — чем скорее, тем лучше; внутреннее противоречие — смертный приговор для всякой этики и червь, подтачивающий энергию человека”²⁷.

Рассуждения П.А. Кропоткина о религии, христианстве и Церкви пропитаны антирелигиозным, антицерковным и антихристианским пафосом. Утверждая, что “религии сплошь да рядом становились источниками самой свирепой вражды, еще более усиливавшейся с развитием государств”²⁸, он крайне негативно оценивал церковный тип религиозной организации как хранилище религиозного учения и его обрядов, именуя ее «правительством “избранных”, с неизбежными пороками всякого правительства»²⁹. Сравнивая особенности

²⁵ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. С. 512–513.

²⁶ Кропоткин П.А. Этика // Кропоткин П.А. Избранные труды. М., 1991. С. 144.

²⁷ Там же. С. 41.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Там же. С. 105.

развития христианства и буддизма, он подчеркивал, что появление в их рамках церковного типа религиозных организаций “представляло прямое отступление от воли обоих основателей религии, как бы ни старались потом оправдать это отступление ссылками на книги, написанные много лет спустя после смерти самих учителей”³⁰. В его представлении, христианство, зародившееся как протестное движение “против безобразий власти, становилось теперь орудием этой власти; благословение церкви не только прощало правителям их преступления, оно представляло эти преступления как исполнение велений Бога”³¹.

Образующее церковь духовенство как “особая, могучая каста”, по мнению П.А. Кропоткина, неизбежно шло на сближение «со светской властью. Охраняя то, что она считала чистотой веры, и преследуя то, что она считала ее искажением и преступной ересью, церковь скоро дошла в своих преследованиях “отступников” до крайней жестокости. И ради успеха в этой борьбе она сперва искала, а потом уже требовала поддержки от светских властей, которые в свою очередь требовали от церкви благосклонного к себе отношения и поддержки религией своей тиранической власти над народом»³².

Таким образом, на взгляд П.А. Кропоткина, христианская церковь, отступившая от двух основных заветов христианства (равенства и прощения обид)³³, постепенно становилась тем институтом и средством, которое в том числе сдерживало общественный и научный прогресс и позволяло эксплуататорам удерживать свои господствующие позиции в обществе. Положительно оценивая антирелигиозный пафос идеологии эпохи Просвещения и Великой Французской революции, П.А. Кропоткин подчеркивал, что христианство не стремилось и не создавало никаких “новых форм общественности”³⁴, не способствовало повышению умственного развития общества, а также уничтожению рабства и крепостничества в разных странах мира³⁵. По его мнению, именно революция и революционная борьба, а не христианская церковь, напрямую способствовали отмене или уничтожению рабства и крепостничества в разных странах мира³⁶.

³⁰ Кропоткин П.А. Этика.

³¹ Там же. С. 113–114.

³² Там же. С. 113.

³³ Там же. С. 111.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Среди представителей русского марксизма, выработавших, по мнению современного религиоведа М.Ю. Смирнова, наиболее радикальную “систему воззрений на религию”³⁷, следует отметить позиции *Георгия Валентиновича Плеханова* и *Владимира Ильича Ленина (Ульянова)*.

Г.В. Плеханов определял религию “как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, *культы*”³⁸. По мнению Г.В. Плеханова, основывающего свои рассуждения о религии на основании базового тезиса исторического материализма, — “не сознание определяет собою бытие, а бытие сознание”³⁹, религиозные представления “имеют анимистический характер и вызываются неумением человека дать себе отчет в явлениях природы. К представлениям, происходящим из этого источника, присоединяются впоследствии те анимистические представления, с помощью которых олицетворяются и объясняются людьми их отношения между собою”⁴⁰. В свою очередь, религиозные настроения “коренятся в чувствах и стремлениях людей, вырастающих на почве данных общественных отношений, и изменяются параллельно с изменением этих отношений”⁴¹.

Как подчеркивал Г.В. Плеханов, “На известной стадии культурного развития анимистические представления и связанные с ними настроения срастаются с нравственностью в широком смысле этого слова, т.е. с понятиями людей о своих взаимных обязанностях. Тогда человек начинает смотреть на эти обязанности, как на заповеди, данные богом. Но хотя представление об этих обязанностях срастается с анимистическими представлениям, однако, оно отнюдь не вызывается ими. Нравственность возникает раньше, чем начинается процесс срастания относящихся к ней представлений с верой в существование богов. Религия не создает нравственности. Она только освящает ее правила, вырастающие на почве данного общественного строя. Есть другого рода действия. Они называются не взаимными отношениями людей, а отношением людей к богам или к богу. Совокупность этих действий и называется собственно *культом*”⁴².

³⁷ Смирнов М.Ю. Очерки истории российской социологии религии. СПб., 2008. С. 19.

³⁸ Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г.В. Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 330.

³⁹ Там же. С. 362.

⁴⁰ Там же. С. 361.

⁴¹ Там же. С. 362.

⁴² Там же.

По ходу социальной эволюции человечества в сторону социализма, на взгляд Г.В. Плеханова, религия должна была постепенно утрачивать свое влияние и значение в жизни человеческих обществ, а затем и полностью исчезнуть. “Благодаря прогрессу человеческого разума”, как отмечал Г.В. Плеханов, должна была исчезнуть “казавшаяся неразрывной” “связь между моралью и религией”⁴³. Особую роль в этом процессе, по его мнению, играет развитие науки, основанной на материализме⁴⁴. Как писал Г.В. Плеханов, “Пока мы ссылаемся на волю божества, мы не имеем права говорить о законосообразности явлений. Открытие же этой законосообразности и составляет задачу науки. Вот почему серьезная наука никогда не может ужиться в мире с религией. Малю-по-малу наука сбивала религию со всех ее позиций, а в настоящее время уже никто из людей, имеющих хоть некоторое понятие о научном мышлении, не станет ссылаться на божью волю как на причину явлений природы или общественного развития”⁴⁵. Утверждая, что религия, утрачивая свое влияние на жизнедеятельность человеческих обществ, фактически “отживает” свое, а “прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идее, и религиозному чувству”⁴⁶, Г.В. Плеханов в то же время допускал, что еще какое-то время возможно существование альтернативной точки зрения на данный процесс, навешивая “ярлыки” на своих оппонентов и безапелляционно декларируя неизбежность своей победы: “Что касается религиозного чувства, то очевидно, что оно исчезает вместе с разложением религиозной идеи. Но в чувствах конечно больше консерватизма, чем в идеях. Могут и будут иметь место различные пережитки, народятся ублюдочные концепции мира, полуматериалистические, полуспиритуалистические. Но и пережитки эти осуждены на исчезновение в свой черед, в особенности, по исчезновении некоторых социальных учреждений, якобы санкционированных религией”⁴⁷.

В.И. Ленин, основываясь в своих рассуждениях на диалектическом материализме К. Маркса и Ф. Энгельса, “материализме безусловно атеистическом, решительно враждебном всякой рели-

⁴³ См.: Плеханов Г.В. Ответ на анкету о будущем религии, произведенную журналом “*Mercure de France*” // Плеханов Г.В. Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 105.

⁴⁴ См.: Там же. .

⁴⁵ Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Хрестоматия по истории атеизма. М.; Л., 1931. С. 294.

⁴⁶ Плеханов Г.В. Ответ на анкету о будущем религии, произведенную журналом “*Mercure de France*”. С. 105.

⁴⁷ Там же.

гии”⁴⁸, многократно обыгрывал известное высказывание К. Маркса о социальной функции религии. По мнению В.И. Ленина, “Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса”⁴⁹.

На взгляд В.И. Ленина, “Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т.п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь”⁵⁰.

Рассуждения В.И. Ленина о религии, религиозных институтах и организациях, пропитаны ненавистью, радикальными лозунгами и призывами, направленными на бескомпромиссную борьбу с ними. Как подчеркивал В.И. Ленин, “Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничи-

⁴⁸ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 415.

⁴⁹ Там же. С. 416.

⁵⁰ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1968. С. 142–143.

вать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии”⁵¹. По мнению В.И. Ленина, “Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах”⁵².

Единственным исключением из правил в оценке религии и религиозных институтов в рамках революционно-социалистического лагеря, является, на наш взгляд, позиция П.А. Сорокина, который, будучи социалистом-революционером, в российский период своего творчества фрагментарно обращался к изучению религии как фактора, обеспечивающего социальную интеграцию и регулирование социальные процессов. Однако в оформлении данной позиции просматривается в большей степени влияние его учителей — М.М. Ковалевского, Л.П. Петражицкого, а также увлечение П.А. Сорокина бихевиористскими идеями. Именно в этом контексте он осуществляет осмысление роли религии в своей работе “Преступление и кара, подвиг и награда”, увидевшей свет в 1914 г.

По мнению П.А. Сорокина, религия является, прежде всего, регулятором социального поведения между людьми. В его представлении, «церковь и другие религиозные предметы “святы” потому, что они суть “предметные” символы непредметных и святых психических переживаний — религиозных мыслей, представлений, чувств и т.д. Святость вторых делает святыми и первые. Оскорбление вторых есть святотатство, и отсюда святотатством является и оскорбление самих символов. Говоря коротко, все религиозные реликвии — это застывшие в вещественной форме религиозные переживания»⁵³.

П.А. Сорокин отмечает несомненное влияние “потусторонней карательно-наградной санкции” на направление и характер поведения человека⁵⁴, в зависимости “от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания”⁵⁵. На взгляд П.А. Сорокина, “Бесконечное множество поступков делалось или не делалось (воздержание от них) исключительно под влиянием потусторонней санкции. Всякая рели-

⁵¹ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии. С. 418.

⁵² Там же. С. 419.

⁵³ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 102.

⁵⁴ Там же. С. 245.

⁵⁵ Там же. С. 244.

гиозная система предписывала до мельчайших деталей известное поведение, рекомендуя одни поступки, приказывая другие и запрещая третьи, обещая награду за послушание (рай и т.д.) и кару за нарушение (ад и пр.), и нет сомнения, что ее правила и давление ее санкций не было пустым звуком, а было могучим рычагом, управлявшим поведением человека и вызвавшим к жизни ряд поступков, предметов и институтов как добрых, так и отвратительных, которых без этой санкции не было бы”⁵⁶. При этом, как подчеркивает П.А. Сорокин, “эти награды и наказания не были пустыми словами, а действительно руководили и руководят поведением целых народов и отдельных личностей. Существование церквей, сословия шаманов, жрецов, священников, папства, существование культа, многочисленных обрядов и актов — все это продукт мотивационного влияния религиозных санкций и подтверждение этого влияния”⁵⁷.

В другой своей работе “О так называемых факторах социальной эволюции” П.А. Сорокин именуется религию “миропониманием”, “трансформировавшимся миром понятий”, “мирообъемлющим синтезом”, представляющим собой “простой вывод и обобщение мира понятий”⁵⁸. По его мнению, “Какова высота знаний — такова и религия; для первобытного человека с его невежеством и не могло быть иной религии, кроме наивно-анимистической. Изменилось знание — меняется и религия. Для современного, образованного человека подобная религия немыслима и невозможна. Сделайте разрез в современном обществе по отношению к высоте знания и вы увидите, что в слое с одинаковым приблизительно уровнем знания одинакова приблизительно и религия, в слое с иным уровнем — иная. < ... > Отсюда практический вывод: если хотите изменить религию, дайте знаний — книг, микроскопов, телескопов и т.д., остальное все приложится. Эта форма мысли, как все прочее, не остается бестелесной, а выражается вовне в тех или иных формах. Церкви, пагоды, иконы, статуи, жреческие и священнические одежды, обряды, молитвы, заклинания и весь культ с этой точки зрения есть застывшая, выразившаяся вовне религиозная (а тем самым научная) мысль”⁵⁹.

В своей работе 1917 г. “К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян”, анализируя определение религии, данное Э. Дюркгеймом, П.А. Сорокин отмечает, что основной “задачей религии является установление ряда правил и обрядов, направленных

⁵⁶ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 244–245.

⁵⁷ Там же. С. 249.

⁵⁸ Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 528.

⁵⁹ Там же. С. 528–529.

на то, чтобы не допускать смешения этих двух миров”⁶⁰ (выделяемых Э. Дюркгеймом мира сакрального и мира нечистого — профанного), “а если таковое совершилось, то тем или иным образом обезвредить те страшные последствия, которые вытекают из этого смешения. Такова была цель религиозных обрядов сначала, таковой же остается она в значительной степени и до сих пор”⁶¹.

В 1920 г., пережив кровавые и страшные революционные события 1917 г. и последующие события Гражданской войны в России, П.А. Сорокин, кардинальным образом пересматривает свои взгляды, в том числе в контексте осмысления религиозной проблематики, что закономерно нашло свое отображение в его работе “Система социологии”, изданной в 1920 г.

По мнению П.А. Сорокина, религиозные верования, а также “принадлежность к религии является одной из существенных координат, определяющих социальное положение и поведение индивида”⁶². Исследуя роль и влияние религиозных групп, общностей и коллективов на социальное развитие, он отмечал, что они являются одной из значимых сил, “определявших и определяющих судьбы других важных групп, с одной стороны, с другой, влиявших и влияющих на жизнь и поведение людей”⁶³, “на судьбу населения и на ход истории вообще”⁶⁴. Вступая с полемикой со многими представителями социалистического лагеря, П.А. Сорокин подчеркивал, что: «Вопреки мнению многих “рационалистов”, религия еще не изжита и религиозная группировка еще не сдана в музей древностей... Надежды многих на то, что стоит “доказать” ненаучность религии и... она исчезнет, преувеличены»⁶⁵. Задаваясь вопросом о возможном будущем исчезновении религии и религиозного расслоения, он считал, это маловероятным: “История говорит не об уменьшении числа религиозных групп, а, напротив, об его увеличении. Религиозная гетерогенность людей не уменьшилась, а скорее возросла”⁶⁶. В силу этого, даже “не приходится надеяться на исчезновение религиозного расслоения и в будущем, по крайней мере в ближайшие столетия”⁶⁷. Изменение форм верований, на его взгляд, не изменяет их суть, как

⁶⁰ Сорокин П.А. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. Вып. IV. Вологда, 2017. С. 50.

⁶¹ Там же.

⁶² Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 554.

⁶³ Там же. С. 556.

⁶⁴ Там же. С. 559.

⁶⁵ Там же. С. 560.

⁶⁶ Там же. С. 811–812.

⁶⁷ Там же. С. 813.

и антагонизм вызываемый верованиями, в том числе и в условиях становления большевистского режима в России (“современной эпохи распространения религии социализма”⁶⁸): «Различия верований “коммуниста” и “монархиста” теперь, как в прошлом различие верований католика и еретика, вызывают самый острый антагонизм и заставляют разнoverующих без угрызений совести отправлять друг друга на тот свет *ad majorem gloriam* коммунизма или монархизма. <...> По крайней мере наблюдаемые сейчас факты говорят о том, что вековая проповедь терпимости чужих мнений и уважения чужих верований не мешала и не мешает тому, чтобы противника отправлять на тот свет, если не под звон колоколов инквизиции, то под аккомпанемент ружейных залпов»⁶⁹.

П.А. Сорокин в “Системе социологии” фактически рассматривает религию как фактор социальной интеграции, подчеркивая, что «религия человека — социальный костюм, который можно снять и переменить. Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человеком. В последних — коренное ядро религии. Верования, догма — это только вуаль, “идеологическое оправдание” и выражение чувств — эмоций человека. Не важно, чтобы они были логичны, — важно, чтобы вера была горячей»⁷⁰.

Смена этапов истории развития религий (периодов религиозных движений, кризисов или застоев), на взгляд П.А. Сорокина, обусловлена “изменением всего социального уклада населения, меняющего его *mores*, аппетиты, стремления и чувства — эмоции”⁷¹. В то же время, появление новой веры в свою очередь также “оказывает известное воздействие на это изменение”⁷².

Таким образом, можно констатировать, что одни представители революционно-социалистического лагеря (например, Г.В. Плеханов и П.А. Кропоткин) в большей степени оценивали роль религии в прошлом, но критично относились к ее роли в современности, отрицая эту роль. Другие (А.И. Герцен, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, В.И. Ленин) призывали к искоренению религии из жизни общества, “очерняли” этот социальный институт, а их аргументация при этом носила ярко выраженный идеологический характер. Однако фак-

⁶⁸ Сорокин П.А. Система социологии. С. 811.

⁶⁹ Там же. С. 813–814.

⁷⁰ Там же. С. 809.

⁷¹ Там же. С. 811.

⁷² Там же.

тически и те, и другие при изучении религиозной проблематики в имперский период отечественной истории в большей степени занимались привнесением в науку различных идеологических штампов, а также использованием политтехнологий для дискредитации в деструктивном для общества и государства ключе, этой традиционно значимой для любого общества сферы жизнедеятельности и влиятельного социального института. Непродуктивный характер подобного рода антисистемного “изучения” религиозной проблематики, особенно в контексте осмысления последствий его воплощения на практике, в последующие 70 лет большевистского правления, в настоящее время не вызывает никаких сомнений. И только П.А. Сорокин разработал взвешенный, научно обоснованный подход к социологическому анализу религии в обществе, обозначил интегрирующую роль религии в социальной стратификации общества.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989.
- Вехи.* Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
- Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011.
- Елишев С.О.* Молодежная политика религиозных сект и новообразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118.
- Елишев С.О.* О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
- Елишев С.О.* Политика. Базовые понятия. М., 2018.
- Ильин И.А.* Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. В 2-х кн. М., 1993.
- Кропоткин П.А.* Этика: Избранные труды. М., 1991.
- Лавров П.Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12, 17. М., 1968.
- Плеханов Г.В.* О книге Л.И. Мечникова // Хрестоматия по истории атеизма. М.; Л., 1931. С. 294.
- Плеханов Г.В.* Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957.
- Смирнов М.Ю.* Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособ. СПб., 2008.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006.
- Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008.
- Сорокин П.А.* К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. 2017. Вып. IV.
- Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... М., 1991.
- Шафаревич И.Р.* Собр. соч.: В 3-х т. Т. 2. М., 1994.

REFERENCES

- Bakunin M.A.* Filosofiya. Sociologiya. Politika [Philosophy. Sociology. Politics]. M., 1989 (in Russian).
- Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya [Diary of a writer]: V 2 t. T. 1. M., 2011 (in Russian).
- Elishev S.O.* Molodezhnaya politika religioznyh sekt i novoobrazovanij v rossijskoj Federacii [Youth policy of religious sects and neoplasms in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2013. N 4. S. 104–118 (in Russian).
- Elishev S.O.* O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d’état]. M., 2017 (in Russian).
- Elishev S.O.* Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
- Gercen A.I.* Sobranie sochinenij [Collected works]: V 30 t. T. 6. M., 1955 (in Russian).
- Il’in I.A.* Nashi zadachi [Our tasks] // Il’in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. T. 2 V 2-h kn. M., 1993 (in Russian).
- Kropotkin P.A.* Etika [Ethics] // Kropotkin P.A. Izbrannye trudy. M., 1991 (in Russian).
- Lavrov P.L.* Izbrannye sochineniya na social’no-politicheskie temy [Selected works on socio-political themes]: V 8 t. T. II. M., 1934 (in Russian).
- Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Full Collection Op]. T. 12, 17. M., 1968 (in Russian).
- Plekhanov G.V.* Izbrannoe sobranie sochinenij [Selected collected works]: V 5 t. T. 3. M., 1957 (in Russian).
- Plekhanov G.V.* O knige L.I. Mechnikova [About the book by L.I. Mechnikov] // Hrestomatiya po istorii ateizma. M., L., 1931 (in Russian).
- Shafarevich I.R.* Sobr. soch. [Sobr. cit]: V 3-h t., T. 2. M., 1994 (in Russian).
- Smirnov M.Yu.* Ocherk istorii rossijskoj sociologii religii [Essay on the history of the Russian sociology of religion]: Uch. posob. SPb., 2008 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]. M., 1992 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Prestuplenie i kara, podvig i nagrada [Crime and punishment, feat and reward]. M., 2006 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Sistema sociologii [Sociology system]. M., 2008 (in Russian).
- Sorokin P.A.* K voprosu o pervobytnyh religioznyh verovaniyah zyryan [On the question of the primitive religious beliefs of the Zyryans] // Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo Kraya. 2017. Vyp. IV (in Russian).
- Stolypin P.A.* Nam nuzhna Velikaya Rossiya... [We need Great Russia...]. M., 1991 (in Russian).
- Vekhi.* Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. M., 1909 (in Russian).